

К этому моменту пятьдесят юных евнухов, прошедших долгую подготовку, уже собрались в зале. Из них отобрали тридцать самых сильных, а оставшихся двадцатерых спрятали в боковых залах на случай непредвиденных обстоятельств.

Тридцать крепких парней выстроились в аккуратные ряды впереди, а резервная группа заняла места в самом конце.

Канси удовлетворенно кивнул и, сочетая в голосе милость и строгость, произнес:

— Вы тренировались несколько месяцев, и мне интересно, есть ли хоть какой-то толк. Скоро сюда войдет один важный сановник, мастер рукопашного боя нашего двора. Пусть он проверит ваше мастерство.

Он сделал паузу, и его тон стал ледяным:

— Как только я брошу чашку на пол, вы все разом наброситесь на него. Тридцать человек против одного! Если не сможете его одолеть, я прикажу всех вас обезглавить. Зачем мне держать у себя кучку никчемных бездельников?

Властный тон Канси заставил евнухов задрожать, но тут же император сменил гнев на милость, став мягким и обходительным:

— Разумеется, если вы победите его, каждый получит по золотому слитку и останется служить в Буку-фане.

Пятьдесят евнухов дружно опустились на колени:

— Мы сделаем всё возможное, чтобы выполнить волю императора!

Канси не хотел раньше времени раскрывать карты, чтобы мальчишки не запаниковали и не сорвали всё дело.

— Какая тут воля, просто проверка. Я плачу вам жалование, вот и хочу посмотреть, кто из вас старается, а кто лишь валяет дурака.

Ли Чанъгэ жестом приказал двадцати евнухам уйти в боковой зал и ждать сигнала, а оставшиеся тридцать встали по бокам, создавая видимость тренировки.

В этот момент снаружи раздался громкий, уверенный голос:

— О-шаобао прибыл на аудиенцию!

Обой вошел в зал, ступая тяжелой, властной походкой. Остановившись в центре, он неспешно приготовился отдать дань уважения:

— Ваш слуга приветствует императора.

Канси сошел с трона и поднял руку:

— О-шаобао, не нужно церемоний. Принести стул!

— Благодарю, император.

Канси вернулся на свое место и сел, сохраняя невозмутимый вид:

— О-шаобао, ты пришел как нельзя кстати. У меня тут собрались десятки евнухов, упражняются в борьбе. Ты — наш первый храбрец Маньчжурии, прославленный Батуру, не покажешь ли им пару приемов?

Обой гордо вскинул голову:

— Если императору угодно, я с радостью.

Уголки губ Канси приподнялись, он едва заметно подмигнул Ли Чаньгэ:

— Сяо Гуйцзы, вели страже снаружи отдохнуть. Без моего вызова внутрь не входить.

— Слушаюсь, — Ли Чаньгэ поклонился и вышел.

Чтобы еще больше усыпить бдительность Обоя, Канси с пренебрежением отбросил в сторону книгу ханьских мудрецов, лежавшую на столе.

— О-шаобао, ты советовал мне поменьше читать эти книги, и в последнее время я понял, что ты был прав. Мы тут боремся, и об этом никто не должен знать. Если узнает вдовствующая императрица, снова заставит меня корпеть над свитками.

Обой рассмеялся, довольный собой, и сделал большой глоток из чашки:

— Император прав, от книг ханьцев никакого толка.

Стража ушла, и Ли Чаньгэ вернулся, встав подле Канси:

— Император, стражники удалились.

— Хорошо, начинайте. Евнухи, разбивайтесь по двое и покажите, на что способны.

Получив приказ, тридцать евнухов начали бороться друг с другом. Обой с интересом наблюдал за ними, но, заметив, что это лишь детские забавы, только разочарованно покачал головой.

Канси отпил чаю, искоса поглядывая на Обоя:

— О-шаобао, как тебе их мастерство?

— Сойдет. Посмотреть можно, — небрежно ответил тот, даже не подозревая о затаенной

угрозе.

— Конечно, куда им до О-шаобао...

Фраза осталась недосказанной. Канси не удержал чашку, и та с громким звоном разбилась о пол.

Обой замер, но не успел он среагировать, как тридцать евнухов разом бросились на него. Они вцепились в его пояс, руки и ноги, используя все свои силы.

Обой решил, что император просто играет, как ребенок, и хочет доказать, что его евнухи чего-то стоят. Он расхохотался, с легкостью отбиваясь от нападавших. Однако вскоре он понял, что справиться с ними не так-то просто — они становились всё настойчивее. Канси и Ли Чаньгэ в тревоге наблюдали за схваткой.

Поняв, что поодиночке их не одолеть, десяток евнухов навалились на ноги Обоя, намертво вцепившись в них, а остальные сковали его руки.

Ли Чаньгэ выждал момент, выхватил из сапога острый кинжал и бесшумно, словно леопард, скользнул за спину Обоя. Подойдя вплотную, он набрал в грудь воздуха и со всей силы вонзил лезвие в тело противника. Действовал он быстро и решительно: не дожидаясь реакции врага, он выдернул кинжал и ударил снова.

Обой был ошеломлен внезапным нападением. Его глаза расширились, он попытался вырваться.

— Щенок, я тебя уничтожу!

Ли Чаньгэ, чьи глаза сверкали холодной яростью, вцепился в рукоять и нанес еще несколько ударов в бедро Обоя, чтобы лишить его подвижности. Каждый удар был пропитан решимостью покончить с врагом.

Обой рассвирепел, но в голове помутилось. Он попытался стряхнуть евнухов, но почувствовал, что конечности наливаются свинцовой слабостью. В сердце закралось дурное предчувствие. Яд начал действовать. Обой неистово сопротивлялся, а евнухи, красные от напряжения, вцепились в него мертвой хваткой, боясь гнева императора.

— А-а-а! — взревел Обой. — Проклятые псы, посмели обнажить оружие перед императором!

Ли Чаньгэ не собирался останавливаться. Он кружил вокруг, нанося удар за ударом. Через несколько мгновений на теле Обоя зияло семь или восемь кровавых ран. Воздух пропитался запахом крови.

Обой, изрыгая ярость, издал звук, подобный тигриному рыку, и мощная волна невидимой

энергии отбросила ослабевших евнухов. Многие из них с хрустом костей рухнули на пол, не в силах подняться.

Осознав, что это не тренировка, а покушение, Обой с безумным лицом бросился к Канси.

— Император! За что ты хочешь убить меня?!

Канси в ужасе вжался в холодную спинку трона, сжимая подлокотники так, что ладони вспотели. Он не проронил ни слова.

— Все вместе, в атаку! — скомандовал Ли Чанъгэ, преграждая путь Обою.

Евнухи из бокового зала выскочили в центр.

— Вперед! Задержите его!

Обой, одержимый желанием убить Ли Чанъгэ, крушил всех на своем пути. Кости ломались, евнухи выплевывали кровь, перемешанную с ошметками внутренних органов. Зал, где вершились государственные дела, превратился в кровавую бойню.

Ли Чанъгэ не ожидал, что Обой окажется настолько силен, что даже под действием яда сможет убить десятки людей. Он почувствовал страх — он явно недооценил противника.

Оставшиеся тридцать евнухов окружили Обоя, но их попытки удержать его были тщетны. Обой, теряя много крови, вдруг расхохотался. Он схватил двоих евнухов за шиворот и начал вращать ими, как дубинами, снося всех, кто стоял на пути.

Его движения стали неуверенными, он пошатнулся, но, заметив Канси, побрел к нему, оскалив зубы в звериной гримасе.

— Скорее, золотые крюки! — вскричал Канси, пятясь назад.

Ли Чанъгэ сжал зубы. Была не была! Он схватил горсть пепла от благовоний и бросился вперед. Обой, увидев его, замахнулся своим кулаком размером с голову, намереваясь разmozжить череп юноши. Ли Чанъгэ в последний момент подбросил пепел вверх и отпрыгнул, но все же получил тяжелый удар в живот.

Пепел попал Обою в глаза, и тот, ослепленный, начал яростно размахивать руками в разные стороны. Оставшиеся два десятка евнухов накиннули на него прочные канаты с крючьями, связывая словно жертвенного зверя. Обой, обессиленный потерей крови и ядом, не смог разорвать путы.

Ли Чанъгэ, корчась от боли, прижал руку к животу. Из уголка рта сочилась кровь. Удар был

чертовски болезненным.

Дело было сделано. Канси, сияя от радости, помог Ли Чанъгэ подняться:

— Сяо Гуйцзы, ты молодец!

— Так, пустяки, — Ли Чанъгэ отмахнулся и вытер кровь с губ.

Затем Канси приказал связать Обоя железными цепями и воловьими жилами. Обой, не в силах пошевелиться, кричал:

— Я верный слуга! Я опекун, назначенный покойным императором! Ты использовал коварство, чтобы погубить меня! Я не признаю поражения, даже умерев!

— Ты лжешь! — отрезал Ли Чанъгэ, глядя на поверженного врага сверху вниз. — Ты ворвался в кабинет с оружием, замышляя бунт и покушение на императора. Лишь благодаря небесному покровительству император остался невредим!

Вся правда осталась в стенах этого зала, а оставшиеся в живых евнухи слишком боялись за свои жизни, чтобы хоть слово сказать лишнего.

Канси холодно посмотрел на них:

— Этот разбойник Обой поднял мятеж и хотел меня убить. Сяо Гуйцзы спас меня. Вы все это видели, понимаете?

— Да, да! Мы всё видели своими глазами! — затряслись евнухи, падая ниц.

Канси, убедившись в их покорности, немного успокоился:

— Унесите трупы. Передайте мой указ: немедленно вызвать князя Цзешу и Соэту. О том, что произошло сегодня, никто не должен проронить ни звука. Если хоть слово просочится наружу, ваши головы полетят с плеч, а пострадают и ваши семьи!

Евнухи начали бить поклоны, клянясь молчать.

— Хорошо. Ваша награда удвоена, каждый получит по два золотых слитка. Ступайте, — равнодушно бросил Канси.

<http://bllate.org/book/19451/1907799>